

РОЛЬ РЕФОРМ М.М. СПЕРАНСКОГО В УПРАВЛЕНИИ СИБИРЬЮ

Раскрывается роль реформ М.М. Сперанского в управлении Сибирью. Показана определенная специфика административного управления Сибирским регионом как особой геополитической единицей ввиду территории, плотности населения и других факторов. Раскрыта роль личности М.М. Сперанского как в проведении административных реформ, так и непосредственно в управлении Сибирью как неотъемлемой частью нашей страны.

Ключевые слова: централизация; локализация; управление; реформы; регион.

До начала XX в. под Сибирью понималось всё пространство к востоку от Уральских гор до Тихого океана, т.е. это понятие охватывало такие регионы, как Западная, Южная, Восточная Сибирь и Дальний Восток, а также зауральскую территорию империи.

В отличие от европейской части России, жестко подчиненной центральной администрации, Сибирь обладала известной административной автономией и более разветвленной системой управления. Различные уровни этой системы по некоторым своим частям формально соответствовали учреждениям, действовавшим на других территориях империи, но специфика края вносила в каждый из них необходимые изменения. Для того чтобы понять, в чем состояла особенность местного управления и какие факторы сказывались на нем, следует рассмотреть характерные черты Сибири как административно-территориальной единицы, изучить непосредственно организацию управления, рассмотреть регионы, выделявшиеся в административном отношении.

Важную роль в формировании административной системы Сибири сыграли политико-географические факторы. В основе многих особенностей управления Сибирью лежали обширность ее территории и удаленность от столиц государства. Россия с конца XVI в. начала быстро расширяться к востоку, присоединяя к себе всё новые земли.

В XVIII – первой половине XIX в. верховная власть осознанно учитывала региональные особенности Сибири, придавая им статус системообразующих факторов при разработке законодательства в области государственного управления регионом, хотя четко выраженной концепции и политики регионального управления выработано не было.

Государственное управление в Сибири и местное сибирское самоуправление выстраивались с учетом необходимости управленческого воздействия и правового регулирования общественных отношений среди различных категорий сибирского населения, сформировавшихся в ходе вольной крестьянской колонизации в условиях преобладания уже в начале XVIII в. и постоянного роста русского податного населения.

Важное значение в управлении Сибирью имела локализация управления посредством самоуправления различных социальных категорий населения внутри сибирского общества, что позволяло в условиях компактного проживания отдельных групп населения обеспечить на них управленческое воздействие государства через назначение или утверждение руководителей самоуправляющихся сообществ. В организации

системы сибирского государственного управления учитывались пространственно-географические особенности региона, связанные с наличием территорий с неразвитой системой коммуникаций и ставящие проблему комплексной локализации управленческих функций на различные уровни внутрисибирских структур государственного управления, что обеспечивало управление отдаленными территориями, но снижало уровень и возможности генерал-губернаторского контроля и надзора центральных органов государственного управления за деятельностью чиновников сибирской администрации.

Основными тенденциями в развитии государственного управления в Сибири являются централизация и локализация власти в регионе (укрупнение и разукрупнение) при построении унифицированной модели властных отношений, характерной для империи, в ходе выстраивания которой складывались отношения центр – регион, где центральной властью выступает правительство, а его местным уровнем и представителем на территории Сибири после Ревизии 1819 г. – Главное управление во главе с генерал-губернатором Сибири в целом, а после 1822 г. генерал-губернаторами Западной и Восточной Сибири. Этим генерал-губернатором стал М.М. Сперанский.

Именно М.М. Сперанским была разработана министерская реформа (1802). Вместо коллегий вводились министерства, был учрежден Комитет министров. Особой заслугой М.М. Сперанского было учреждение Государственного совета (1810), где готовились и обсуждались все законопроекты. Вступив на престол, Александр I понимал, что нужны перемены в общественной и политической жизни государства. Для осуществления своих реформ император избрал Сперанского в качестве ближайшего помощника. Активная деятельность Сперанского в должности Государственного секретаря вызвала острое недовольство большей части дворянства. Особую неприязнь вызвали принятые по его инициативе указы о придворных званиях и об экзаменах на чин. Согласно последнему все чиновники, начиная с коллежского асессора, должны были иметь университетское образование. Не прибавили ему сторонников и налоговые изменения. Дело дошло до клеветнических писем и абсурдных доносов, и в результате различных интриг в 1812 г. М.М. Сперанский был арестован, объявлен шпионом Наполеона и без суда сослан в Нижний Новгород. Затем он был отправлен в Пермь, где очень бедствовал. В январе 1813 г. М.М. Сперанский написал из Перми письмо к императору. Это облегчило его

положение, и ему было разрешено переехать в новгородское поместье Великополье, принадлежащее его дочери (см.: [1. С. 5, 6, 8, 11]).

Только через четыре года после ареста М.М. Сперанский смог вернуться в Петербург. Здесь начался второй период его государственной деятельности. Сначала М.М. Сперанский получает должность губернатора в Пензе, затем через два с половиной года, в апреле 1819 г., становится сибирским генерал-губернатором. Ревизия Сибири одновременно с назначением генерал-губернатором была поручена указом 22 марта 1819 г. М.М. Сперанскому, находившемуся в опале и занимавшему скромный пост пензенского губернатора. Два года М.М. Сперанский живет в Томске и занимается установлением законности в Сибири, затем возвращается в Петербург с итоговым проектом сибирской реформы. В 1822 г. практически все предложения Сперанского по Сибири утверждаются законодательно. Благодаря этим принятым законам в Сибири никогда не было крепостного права.

«С приездом Сперанского новою жизнью повеяло в Сибири. Сибиряки увидели в вельможе человека. Они снова начали жить и дышать свободно. Самовластие, лихоимство, всякого рода притеснения, на которые они жаловались так долго и так бесполезно, стали прекращаться мерами власти. Власть сделалась действительно тем, чем надлежало ей быть – защитницей, а не гонительницей населения» [2. С. 1, 27]. М.М. Сперанский и его единомышленники видели явные недостатки административной системы и осознавали необходимость их законодательного устранения. Многие проблемы вытекали, как уже отмечалось, из специфики местных условий: огромных расстояний, большой удаленности друг от друга городских центров края. В ходе присоединения сибирских территорий сложилось чересполосное административное деление уездов и пограничных линий военного подчинения; при утверждении штата городов таковыми записывались малые поселки в пять-шесть строений (чтобы завести там чиновный персонал); в канцеляриях всех уровней сидела многочисленная и алчная бюрократическая номенклатура и т.д. [3]. Цели реформ виделись в ограничении особым «установлением» единоличной власти высшего сибирского начальства, в приближении его к реальным потребностям хозяйственного управления, сведении воедино надзорных органов, четком разграничении функций многочисленных инстанций управления, приспособлении их к местным условиям. Принципиальная концепция реформы при этом базировалась на учете региональной географии, истории, бытовых и нравственных традиций населения.

По возвращении из сибирской поездки М.М. Сперанский вошел в состав специально учрежденного Сибирского комитета (под председательством графа Кочубея), который занялся рассмотрением проектов административных преобразований в регионе. В результате был составлен и в феврале 1822 г. одобрен пакет нормативных документов по управлению Сибирью: «Общее учреждение для местного управления Сибири» и частные правила об управлении некоторых областей; «Общий устав об управлении сибирских инородцев»; «Особенный устав об управлении сибир-

ских киргизов»; «Устав о ссыльных»; «Устав о городских казаках» и некоторые другие. Осуществление норм, заложенных в этих документах, регулировал Сибирский комитет – теперь уже во главе с самим М.М. Сперанским, а позднее – графом А.А. Аракчеевым.

Сибирь разделили на две части (генерал-губернаторства) – Западносибирское с центром в Тобольске (с 1839 г. в Омске) и Восточносибирское с центром в Иркутске. Граница между ними проходила по р. Енисею, причем при разграничении учитывались самые различные факторы:

1. Великая река Енисей являлась естественным географическим рубежом.

2. По мысли реформатора, в каждой из двух частей оказывалось более или менее гармоничное сочетание собственной аграрной базы и неземледельческих районов.

3. Исторически сложившиеся внутриторговые маршруты сходились к Иркутску и Кяхте на востоке и к Ирбиту на западе края.

4. Южная граница империи в Сибири четко делилась на восточную зону, оформленную договорами с Китаем, и западную, сложившуюся в результате исторических взаимоотношений с казахами. Генерал-губернаторства подразделялись на губернии, а они в свою очередь – на округа, волости и инородные управы.

5. В Сибири существовали провинции, обусловленные особенностями ландшафта Сибирской территории. Так, в группу таежных провинций Средней Сибири входят: Путоранская, Оленёкско-Анабарская, Тунгусская, Мархинская, Привилуйская, Центральная якутская, Енисейского края, Приангарская, Приленская, Алданская и Присаянская. В результате административное устройство Сибири приобрело следующий вид: Западносибирское генерал-губернаторство включало Тобольскую и Томскую губернии и Омскую область, Восточносибирское – Иркутскую и вновь созданную Енисейскую губернию, Якутскую область и три особых управления – Троицкосавское пограничное, Охотское и Камчатское приморское [4].

Административное управление строилось по степеням: главное (на уровне генерал-губернаторства), губернское (губернии и области), окружное, волостное и инородное [4]. При генерал-губернаторе Сибири действовал Совет из назначаемых царем сановников, а также из высших должностных лиц генерал-губернаторства. Наблюдение за состоянием экономики, финансов и внутреннего порядка являлось его официальной задачей, негласной же функцией было предотвращение возможных злоупотреблений представителями власти.

Администрацию губернии возглавлял гражданский губернатор, входивший в губернский совет, который дублировал на более низком уровне Совет при генерал-губернаторе и имел к тому же полицейские полномочия. В областях действовали такие же советы, а так как все области находились в пограничных районах и там размещались войска, то областные начальники (губернаторы), в отличие от гражданских губернаторов, обладали полномочиями военного командования.

Округа различались по населению: в многолюдных учреждались общие окружные управления

(окружной начальник и председатели окружных инстанций) и частные управления (суды, казначейство, медицинские заведения); в средненаселенных округах создавались только частные управления во главе с начальником округа; в редконаселенных – действовали только исправник и лекарь. У окружных начальников были в основном те же обязанности, что и у вышестоящих лиц губернского управления, но на них возлагались еще ежемесячный осмотр и ревизия острогов и раскладка повинностей среди населения области [4]. В многолюдных городах административная власть принадлежала городничему вместе с сословной думой, а в малолюдных – старосте, избиравшемуся из горожан. В целом бюрократический штат приводился в систему и значительно сокращался. Во множестве сибирских «медвежьих углов» теперь не предусматривалось насаждения присутственных мест, создания начальственных должностей.

Волостное правление было таким же, как в Европейской России. Администрацию составляли волостной голова, староста и писарь, ежегодно избиравшиеся «поверенными» от каждого селения. В деревнях действовали старшины и десятские. Крестьянские начальники должны были следить за выплатой податей, составлять бумаги – рапорты исправнику и разбирать мелкие правонарушения [Там же].

М.М. Сперанскому удалось построить по одной схеме план управления на всех административных уровнях. Ответственность за подведомственную территорию возлагалась на главу администрации, который действовал совместно с совещательным органом. Структура таких органов тоже была идентичной, но на низших уровнях управления они были выборными (на низших, за неимением дворянства, выборность не допускалась). Более того, удалось разграничить компетенцию разных чиновных учреждений, жестко отделить судебную сферу от финансовой, а их вместе – от непосредственно управленческой (по крайней мере, формально). Таким образом, один из основных источников чиновного произвола и взяточничества (а именно путаница и дублирование функций разных ведомств) был ликвидирован.

Однако многие либеральные намерения М.М. Сперанского так и остались на бумаге, его реформа не во всем достигла своих целей. Так, в частности, советы не превратились в противовес власти генерал-губернаторов и губернаторов, которые в целом остались такими же полновластными владыками, какими были смещенные и отправленные в тюрьму М.М. Сперанским в 1819–1821 гг. чиновники. Идея бюрократического контроля над «номенклатурной машиной» не оправдала себя. Несмотря на детальное перечисление в законе их прав и обязанностей, местные органы не получили реальной самостоятельности и оказывались, как и прежде, жестко встроенными в традиционный механизм управления империей. Любая инициатива снизу обычно наталкивалась на инертность вышестоящих органов, либо не понимавших существа дела, либо вымогавших взятки. Seriously мешало и отсутствие гласности в действиях административных структур. Выходящие из недр канцелярий документы спускались вниз по инстанциям уже в виде готовых указаний и требований, ни о

каком обсуждении их населением не могло быть и речи. Собственно, и вся реформа М.М. Сперанского представляла собой такой же «высочайший рескрипт», который начал выполняться местным чиновничеством не из солидарности с планами реформатора, а по привычке исполнять приказы начальства.

На судьбе реформы и ее отдельных положений неизбежно сказались и краткость пребывания М.М. Сперанского в Сибири, «недостаточное знакомство с ее жизнью, и неспособность провинциального чиновничества воспринять его идеи» [5. С. 492]. Тем не менее замыслы Сперанского в целом соответствовали вызову времени, так как установленная по его проектам структура территориально-административного деления продержалась несколько десятилетий. Это подчеркивает разумность предложенных им мер, поскольку в предыдущую эпоху, в XVIII в., нескончаемые преобразования в Сибири лишь усугубляли накопившиеся проблемы и не приводили к стабильному управлению.

Согласно «Учреждению для управления Сибирских губерний» вся территория Сибири была разделена на два генерал-губернаторства: Западно-Сибирское и Восточно-Сибирское с административными центрами в Тобольске (правда, менее чем через 20 лет столица переехала в Омск) и Иркутске. Эти административные образования подразделялись на более мелкие – губернии и области, те, в свою очередь, – на округа. Генерал-губернаторы, а также гражданские губернаторы, областные и окружные начальники по-прежнему имели широкие полномочия, касавшиеся буквально всех сфер жизнедеятельности – административной, экономической, судебной (а генерал-губернаторы – также и военной) и т.д. Однако при каждом из них теперь должен был действовать совет, в состав которого входили чиновники: представители министерств (внутренних дел, юстиции и финансов), а также делопроизводители, ведавшие «распорядительными», судебными и хозяйственными делами. Сперанский по этому поводу замечал: «Правильнее было бы составить такой совет из лиц, местному управлению посторонних. Но... составить его из дворянства или купечества невозможно, потому что там, в Сибири, нет дворянства и весьма мало купечества...».

Данная мера была малоэффективна. И действительно, представители исполнительной власти, от генерал-губернаторов до окружных начальников, стремясь к единовластию, постоянно конфликтовали с представителями министерств, стараясь не подпускать их к делам реального управления. Столкновения территориального и отраслевого, единоличного и коллегиального принципов управления становились непреодолимым препятствием на пути к законности и правопорядку. Правительство стремилось к унификации местного управления по тому же стандарту, что был принят для губерний Европейской России; Сперанский же подчеркивал, что для Сибири требуется своя организация управления, учитывающая всю специфику жизни этого громадного региона. Поэтому данную часть реформы управления вряд ли можно назвать успешной.

Особое внимание следует уделить «Уставу об управлении инородцев». В нем впервые был применен

на законодательном уровне дифференцированный подход к народам с различным уровнем хозяйственного и общественного развития. Согласно этому подходу все «инородцы» (т.е. представители аборигенного населения Сибири) делились на три разряда: бродячих, кочевых и оседлых. Первые два уравнивались в налогах с государственными крестьянами, но сохраняли свои внутренние порядки в делах управления, оседлые же народы полностью приравнивались к государственным крестьянам. К последним относились татары, а также часть алтайцев, хантов и манси. Устав предусматривал постепенный переход бродячих и кочевых народов к оседлости, в результате чего они должны были сравняться в правах и обязанностях с русским населением.

Кроме того, «Устав об управлении инородцев» закреплял за аборигенами находившиеся в их пользовании земли, определял порядок взимания налогов и податей, их размеры, допускал свободную торговлю с русским населением, наконец, предоставил сибирским народам право отдавать своих детей в государственные учебные заведения и даже открывать свои собственные училища, а также провозглашал полную веротерпимость – право исповедовать традиционную религию и выполнять соответствующие обряды. Ничего подобного не было в то время в законодательстве любой европейской колониальной державы и США.

Важное значение имел «Устав о ссыльных и об этапах», посредством которого постарались хоть как-то упорядочить и регламентировать механизм применения административной ссылки в качестве одной из мер наказания, предусмотренной законами империи. На всем маршруте движения ссыльных создавались особые этапы – места, где строились специальные тюремные помещения для ночевки и дневки ссыльных и каторжан. Всего путь следования партий арестантов в Сибирь был разбит на 61 этап. Были установлены порядок отправления и движения партий ссыльных, состав и функции сопровождавшей их стражи, местные власти обязаны были создавать ссыльным нормальные условия жизни, обеспечивать их питанием и одеждой, не вмешиваться в их трудовую и хозяйственную деятельность. Сперанский надеялся, что все эти меры позволят ссыльным превратиться в полноценных государственных крестьян, вносящих свой вклад в дело освоения сибирских земель.

Однако почти все эти меры остались нереализованными. Приток ссыльных был слишком велик, а средств для оказания им помощи, как всегда, не хватало. Специально созданные для них казенные поселения в Восточной Сибири отталкивали своей нищетой, мелочной регламентацией быта и придирками местной администрации. Ссыльных по-прежнему использовали для незаконных работ, средства, отпускавшиеся им, разворовывались чиновниками, конвойная стража творила произвол и т.д. А если учесть, что именно в XIX в. ссылка в Сибирь преступников, как политических, так и уголовных, достигла своего наивысшего расцвета, то нетрудно представить, как это сказывалось на жизни региона. При Николае I, например, в Сибирь были сосланы более 150 тыс. чел. Жители Сибири, страдая от преступлений, совершавшихся беглыми ссыльными и каторжниками, не вы-

держивавшими навязанного им образа жизни, справедливо называли институт ссылки «язвой края».

«Устав о сибирских городских казаках» завершал, в сущности, превращение казачьего сословия Сибири в полицейскую силу, предназначенную для охраны порядка внутри страны. Он распространялся на все еще сохранявшиеся в сибирских городах казачьи команды, не вошедшие в состав образованного в 1808 г. Сибирского линейного казачьего войска, несшего охрану южных границ Западной Сибири. Составители «Устава...» отказались от прежнего деления на команды, распределив входивших туда ранее казаков по 7 полкам общей численностью чуть более 4 тыс. чел. Часть казаков, проживавших в деревнях, перешла на положение станичных. Командование полком возлагалось на полкового атамана, которому подчинялись 5 или 6 сотников. За ними шли хорунжие, пятидесятники и урядники. Показательно, что начальствующий состав сибирских казачьих полков соотносился по «Табели о рангах» не с армейским офицерством, а с должностями гражданской администрации, чем лишний раз подчеркивалась подчиненность казаков последней. Главное управление Западной Сибири утверждало места дислокации находившихся в его ведении казачьих полков и определяло круг тех служб, которые они были обязаны нести.

Согласно «Уставу о сибирских городских казаках» городские казаки относились к составу губернской и окружной полиции. Этим статусом определялись и их служебные обязанности: несение караулов при важных гражданских или военных объектах; служба вестовыми и рассыльными при учреждениях и отдельных чиновниках; конвоирование ссыльных и каторжных, наблюдение за поддержанием порядка и (в случае необходимости – при беспорядках и бунтах) принятие для его восстановления всех мер, включая применение вооруженной силы. Для казаков вводились единые обмундирование, вооружение и амуниция. При Николае I проводится целый ряд мер, направленных на преобразование организационной структуры сибирского казачества, системы управления, порядка прохождения службы и т.д. по подобию регулярной армии.

Обязанности линейных казаков Сибири заключались в охране границ, содержании таможенной стражи и пресечении контрабанды, защите русских поселенцев, постепенно продвигавшихся в глубь степей. Из них также комплектовались местные жандармские отряды. Численность Сибирского войска постоянно росла, и к середине века составляла уже 12 тыс. строевых казаков. Фактически те же обязанности выполняли казаки Пограничного войска в Забайкалье, охранявшие границу с Китаем и надзиравшие за каторжниками и ссыльнопоселенцами Нерчинского горного округа. Официально оформляется порядок казачьего землевладения, согласно которому земли, отведенные казакам, считались государственной собственностью, отданной в бессрочное владение войску, внутри которого земля распределялась на паях путем жеребьевки. Поэтому генерал Гурко, в 1836 г. производивший ревизию Сибирского казачьего войска, имел все основания отмечать, что казаки получили регулярное

устройство и «содержатся по строевой части на тех же почти правилах, какие существуют ныне в целой армии. Снабженные казенным довольствием, они более почитаться должны поселенными кавалерийскими полками, нежели казаками» [6].

Наконец, в том же 1822 г. издаются «Положение и правила о вольном переселении казенных крестьян в Сибирь», снимавшие ранее существовавший запрет на переселения. Правда, не желая брать на себя расходы, правительство ограничилось лишь тем, что попыталось взять этот процесс под свой контроль путем узаконивания давно существовавшей практики. От крестьян требовалось получение увольнительного приговора от своей общины и приемного от той общины, куда они собирались переселяться. Затем следовало представить эти документы на рассмотрение официальных органов и дожидаться решения властей. Понятно, что мало кто из крестьян считал необходимым выполнять все формальности, так что уже в первые годы после издания «Положения...» Сибирь пополнилась значительным числом самовольных переселенцев. К началу 30-х гг. XIX в. было выявлено более тысячи таких людей. Властям пришлось молчаливо санкционировать уже состоявшиеся переселения, дабы не нарушать хозяйственную жизнь новоприбывших, но вместе с тем от всех соответствующих инстанций потребовали строго следить за соблюдением порядка и не допускать подобных вольностей впредь.

Таким образом, «Сибирское учреждение» Сперанского и его единомышленников, будучи достаточно полно и последовательно проведено в жизнь, действительно могло бы в корне изменить судьбу Сибири, превратив эту огромную территорию из колонизируемой окраины, которой она оставалась на протяжении предыдущих двух веков, в полноценную территорию в составе Российской империи, мало чем отличавшуюся от европейской части страны. Однако случиться этому не было суждено. Историки до сих пор не пришли к единому мнению о том, что послужило причиной такого исхода: невозможность проведения радикальных реформ в рамках государственного строя российского самодержавия, нехватка в достаточной степени квалифицированных управленческих кадров, специфика социальной структуры сибирского населения и его занятий или что-то еще. Несомненно одно – даже частичная реализация задуманных преобразований резко подчеркнула ущербное положение Сибири в составе Российской империи, когда вся восточная часть страны рассматривалась лишь как сырьевой придаток и место «исправления» преступников. В немалой степени способствовало этому все большее расширение сферы принудительного каторжного труда, а также бурное развитие в XIX в. добычи сибирского золота.

Отправной точкой сибирской эпопеи «золотой лихорадки» стал 1828 г., когда верхотурский купец А. Попов узнал о находке крестьянином Е. Лесным золота в Мариинской тайге. В следующем году он устроил там золотой прииск, сразу же давший небывалую добычу. Известие об этом породило неумеренный энтузиазм, и десятки поисковых партий направились вдоль сибирских рек. На протяжении 30-х гг.

XIX в. были открыты золотые россыпи на Алтае, в Енисейской губернии, в Минусинском и Ачинском уездах. Потом были найдены залежи по р. Подкаменная Тунгуска, на севере, в Якутии и в бассейне р. Лены, а также на востоке – в Забайкалье и Амурской области. С 1840-х гг. Восточная Сибирь сделалась главным районом добычи золота, залежи которого казались поистине неисчерпаемыми. В результате Россия стала мировым лидером золотопромышленности, на ее долю приходилось почти 40% мировой добычи [6].

С одной стороны, свободная добыча золота была разрешена правительством всем желающим еще в 1812 г. Поэтому с открытием золотых россыпей купцы и дворяне сразу же воспользовались предоставленным им правом, и развивалась сибирская золотопромышленность на основе именно частного капитала. На сибирском золоте делались головокружительные карьеры. Томский губернский прокурор Ф.А. Горохов, происходивший из обедневших дворян, сделался к 1840-м гг. настоящим миллионером и самым влиятельным человеком в губернии. Понятно, что в погоне за прибылями золотопромышленники могли себе позволить обращаться с рабочими как с каторжными, чему в немалой степени способствовало давнее применение принудительного труда на сибирских горных разработках еще в XVIII в.

Все эти проблемы, которые пытались решить, но далеко не всегда успешно реформаторы 1820-х гг., способствовали пробуждению общественного сознания среди наиболее образованной части сибирского населения, представители которого все чаще стали задумываться о месте своего края в составе Российской империи и об особенностях его положения. И в этой связи мне хотелось бы назвать имя П.А. Словцова (1767–1843), не случайно прозванного «сибирским Карамзиным». Будучи директором училищ Иркутской губернии и инспектором народных училищ всей Сибири, он поставил вопрос об открытии здесь университета, консультировал своего друга юности М.М. Сперанского по тем или иным вопросам, добивался отмены ссылки в Сибирь преступников из Европейской России. Его сочинение «Историческое обозрение Сибири» стало вторым (после работы Г.-Ф. Миллера) научным трудом, посвященным уже не только сибирской истории, но и нынешнему положению региона. П.А. Словцов прямо ставил вопрос о прекращении дискриминационного отношения к своему краю со стороны правительства, говоря о том, что Сибирь как страна заключала в себе золотое дно, но как часть государства представляла ничтожную и безгласную область. Впоследствии, кстати говоря, эти идеи легли в основу движения сибирских областников, на рубеже XIX–XX вв. выдвинувших требование о предоставлении сибирским территориям автономного статуса в составе империи.

Таким образом, в Сибири сформировалось три основных подхода к управлению: хозяйственно-экономический, территориальный и демографический. Хозяйственно-экономический подход обусловлен богатствами природными ресурсами Сибири, территориальный и демографический подходы – сложностью управления огромной территорией с немногочислен-

ным населением. Эта сложность повлекла за собой тенденцию разукрупнения (деление Сибири на Западную и Восточную).

Таким образом, Сибирь, бывшая ранее «землей неизвестной», включилась в ход мировой истории именно благодаря вхождению в состав Русского государства, которое само переживало нелегкую эволюцию: от Московского царства к Российской империи. Бесспорно и то, что русские колонисты кардинально изменили облик этих земель, принеся сюда хлебопашество и промышленное производство, строительство городов и развитие торговли, в том числе и международной. Об освоении же природных богатств Сибири и прибылях для государственной казны нечего и говорить. Но нельзя забыть

и об изучении природы и истории всего этого огромного региона, равно как и культуры населявших его народов, с которыми русским поселенцам удалось выстроить более-менее гибкую систему взаимоотношений, что позволило избежать геноцида коренного населения, ставшего столь характерным явлением в колониальных владениях европейских держав эпохи Нового времени. И все же нельзя не сожалеть о том, что вплоть до наших дней мало кто считает нужным уделять особое внимание собственным нуждам Сибири и ее населения, отнюдь не заслуживающего статуса людей «второго сорта» в своей стране. Поэтому те проблемы, которые стояли перед людьми XVIII–XIX вв., сохраняют свою актуальность для нас и сегодня.

ЛИТЕРАТУРА

1. Обозрение главных оснований местного управления Сибири. СПб., 1841. 151 с.
2. Учреждения для управления сибирских губерний. СПб., Сенатская типография, 1822. URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/58102531:0> (дата обращения: 01.10.2016).
3. Вагин В.И. Исторические сведения о деятельности графа М.М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 год : в 2 т. Репринтное издание 1872 г. СПб. : Альфарет, 2011. 775 с.
4. Ермолинский Л.Л. Михаил Сперанский. Иркутск : Папирус, 1997. 398 с.
5. Ядрищев Н.М. Сперанский и его реформы в Сибири // Вестник Европы. 1876. Кн. 6. 935 с.
6. Дмитриев А.В. Сибирь в первой половине XIX в.: реформы М.М. Сперанского. URL: <http://gkaf.nsu.ru/dmitriev/sk/10.html> (дата обращения: 30.09.2016).

Статья представлена научной редакцией «История» 13 ноября 2016 г.

THE ROLE OF M.M. SPERANSKY'S REFORMS IN THE ADMINISTRATION OF SIBERIA

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 413, 88–93.

DOI: 10.17223/15617793/413/14

Denis N. Gergilev, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: natalya-nsd@yandex.ru

Natalia S. Dureeva, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: natalya-nsd@yandex.ru

Keywords: centralization; localization; administration; reforms; region.

The study of public administration of Siberia, which began in the mid-nineteenth century, is relevant in the modern world. Public administration in the Siberian region has its own features. The article shows that the system of state administration bodies in Siberia was built based on the experience of institutions that had proven viable in the central part of the country. The authors argue that the geographical and geopolitical position, population density, climatic conditions, natural resources and many other factors determine these features. The purpose of this article is to show the specificity of the administration of Siberia implemented by M. M. Speransky. The content of the article reflects that it was important to localize administration by organizing the self-government of various social categories in Siberian society. In the context of compact residence of separate population groups, it allowed to administratively influence them by appointment or approval of heads of self-governing communities. It is shown that the systems of Siberian public administration took into account the geographical features of the region. There were areas with an undeveloped system of communications, thus, there was a problem to localize administrative functions at various levels of local Siberian administration structures, which guaranteed control over the remote areas, but decreased the level and scope of the Governor-General's control and the Central government supervision over the activities of the Siberian administration. The article shows that the main trends in the development of public administration in Siberia are the centralization and localization of power in the region (aggregation and disaggregation) in the construction of a unified model of power relations characteristic of the Empire. The relations "center – region" were established, where central power belongs to the government and local, after the 1819 Revision, to the Main Department headed by the Governor-General of Siberia, and after 1822 the General-Governors of Western and Eastern Siberia. The Governor-General was M.M. Speransky. The authors stress the role of M.M. Speransky in the administration of Siberia. It was M.M. Speransky who developed the Ministerial reform. In the study, the authors relied on primary sources containing information about the Siberian reform, as well as on documentary sources containing a set of laws on the administration of the Siberian provinces. Thus, the article concludes that Siberia entered the world history because it joined the Russian state, which itself was going through a difficult evolution: from Muscovy to the Russian Empire. And it happened due to the reforms of M.M. Speransky.

REFERENCES

1. Anon. (1841) *Obozrenie glavnykh osnovaniy mestnogo upravleniya Sibiri* [Review of the main grounds of the local government of Siberia]. St. Petersburg: Tipografiya Vtorogo otdeleniya Sobstvennoy ego imperatorskogo velichestva kantselyarii.
2. Ivo.garant.ru. (1822) *Uchrezhdeniya dlya upravleniya sibirskikh guberniy* [Institutions for the administration of the Siberian provinces]. St. Petersburg: Senatskaya tipografiya. [Online] Available from: <http://ivo.garant.ru/#/document/58102531:0>. (Accessed: 01st October 2016).
3. Vagin, V.I. (2011) *Istoricheskie svedeniya o deyatelnosti grafa M.M. Speranskogo v Sibiri s 1819 po 1822 god: v 2 t.* [Historical information about the activities of Count M.M. Speransky in Siberia from 1819 to 1822: in 2 vols]. Reprint of 1872. St. Petersburg: Al'faret.
4. Ermolinskiy, L.L. (1997) *Mikhail Speranskiy*. Irkutsk: Papirus. (In Russian).
5. Yadrintsev, N.M. (1876) *Speranskiy i ego reformy v Sibiri* [Speransky and his reforms in Siberia]. *Vestnik Evropy*. 6.
6. Dmitriev, A.V. (n.d.) *Sibir' v pervoy polovine XIX v.: reformy M.M. Speranskogo* [Siberia in the first half of the 19th century: reforms of M.M. Speransky]. [Online] Available from: <http://gkaf.nsu.ru/dmitriev/sk/10.html>. (Accessed: 30th September 2016).

Received: 13 November 2016